

КОГДА Я ПРОХОЖУ по центру Вологды, то замедляю шаг у гостиницы «Северная», построенной в стиле провинциального барокко. И снова, как впервые, разглядываю мансардные окна в обрамлении белых каменных чаш, белые барельефы женщин-титанов и каких-то неведомых зверей, затейливые пилястры, литые перила балкончиков второго этажа. Эту гостиницу из четырех этажей в конце прошлого века построил купец Брызгалов. Она считалась первоклассной и называлась «Золотой якорь».

У ПАРАДНЫХ ДВЕРЕЙ первоклассного заведения стоял швейцар. А в прихожей частько прохаживался сам «кобер» Константин Лукич. Так называли в гостинице старшего над всей прислугой. Отставной унтер-офицер, мужчина видный, нос большой, красный, усы белые, пышные, на груди серебряная медаль. Строг был с прислугой Константин Лукич и почтительен с постояльцами.

МНОГО ИНТЕРЕСНЫХ людей ходило по лестницам этой гостиницы в начале века. Много голосов, известных русской истории сегодня, звучало под полукруглыми сводами ее этажей.

По утрам, всегда в одно и то же время, из парадного «Золотого якоря» выходил молодой господин в черной бархатной блузе и белоснежной манишке, с бамбуковой тростью в руке. У него было бледное лицо, длинные темные локоны и неизменная сигара в зубах. Движения резкие, походка быстрая.

Господин в бархатной куртке был вольнодумец, философ, булгарь. Но это в книгах, которые он писал. А в жизни любил порядок, удобства, французские духи и все красивое. Он много философствовал и горячо выступал. Его отправили из теплого Киева в прохладную Вологду. Чтоб поостыл.

По утрам он обходил книжные лавки, благо было их в городе немного. Однажды, шествуя по деревянным мосткам не в лучшем расположении духа, увидел молодой мыслитель страшную сцену — чиновник губернского правления преследует барышню. Без всяких философских вступлений наш герой отлестал чиновника тростью. И в заключение пообещал: «Завтра вы будете уволены в отставку!».

ПРОЙДУТ ГОДЫ, и он вспомнит об этом случае в книге воспоминаний. Он объяснит случай тем, что кровь предков бросилась ему в голову. Но упомянет, отдадим ему должное, свое привилегированное положение. И не стоит забывать, что Николай Алексеевич Бердяев был дальним родственником правившего тогда Вологодчиной губернатора.

Многое повидал на своем веку «кобер» Лукич, многое испытал. И не зря на груди у него медаль серебряная за балканский поход. Но такого господина, что проживает на четвертом, самом тихом этаже, Лукич еще не выдвигал. Пройтись вечером по нумерам — праздник для Лукича. Бывает, пошумливают. Но не было такого случая, чтобы не поднесли Константину Лукичу. А в номере у этого, как на кладбище. Редко-редко дверь распахнет, высунет голову, да звякнет колокольчиком, чаю попросит. Коридорный в ресторацию спускается, чаю принесет, а в номер зайти боится: и постоялец не тот, и синий дым в номере, и запах не наш.

Но бывалого унтера запахом не испугаешь, он порохи ю-

супротив него толстяк стоит, рожа бритая, в руках большая бумага. Поздравляет, значит. Все веселые, смотрят на Лукича. А он в один секунд многих узнал. Ходят они к сочинителю.

Вот две смазливые дамочки, пестрые, как канарейки из лавки купца Парамонова. Откуда знать Лукичу, что это примадонны из местного театра. Унтер сроду в театре не бывал.

Рядом с «канарейками» сидит тихая барышня. Одета

Маделунг. У него угрюмая внешность и нежное сердце поэта. Он уехал в Россию почтенным негодяном и любителем книжного чтения. А в Данию, к изумлению соотечественников, вернется писателем, новеллистом и романистом. Интересно, что действие некоторых новелл Оге Маделунга будет начинаться в вологодской гостинице «Золотой якорь».

ВТОРОЙ НЕМЕЦ, тоже мрачноватый с лица, худой, ноги длинные, как жерди. В

«ЗОЛОТОЙ ЯКОРЬ»

хал. Лукич с почтением, но войдет. Оглядится в дым. Пиронафтовая лампа светит не шибко. Постоялец на Лукича и не посмотрит, скрипит пером, как сверчок. И господскую самокрутку из зубов не выпустит, сигарой называется. А кругом листья белые.

Лукич разглядит усы, крикнет и почтительно спросит:

— Не имеете ли просьб к хозяину, господину Брызгалову Филадельфу Ивановичу?

А постоялец скрипит и скрипит. Тогда Лукич крикнет громче и повторит свой вопрос...

Сочинитель шеккой дернет, выпустит синий дым, как из трубы, откинет кудри со лба и уставится на Лукича. Смотрит, а не видит. Слушает, а не слышит. Наконец, опомнится, что к чему, глаза осветятся изнутри и улыбнется. Хорошая улыбка, редко так улыбаются. И скажет:

— Спасибо, Константин Лукич, ничего не надо.

«Обер» постоит еще, осмелеет и спросит:

— О чем сочиняете, ваше высокоблагородие, о мирском аль о божественном?

— О духе, Константин Лукич, и о конце света.

Лукич вздрогнет, и мясистая челюсть старого унтера станет медленно-медленно отвисать...

Но уж если загуляет тот господин, то беда. Может, и не беда, а шуму много.

НЕС ЛУКИЧ как-то службу свою вечернюю. Поднялся на четвертый этаж, а там шумят. Да не где-то, а у сочинителя, у которого чаще, как на кладбище. Подошел ближе. Читает кто-то зычно, как протодиакон в Спасо-Всеградском соборе. И ржут. Шибко ржут, пумера тревожат. Не любит этого господин Брызгалов, и Лукич с почтением вошел.

Дыму заморского нет. И листов белых нет. Зато народу в номере, как в божьем храме в престольный праздник. И стол накрыт. А на столе мадера кроновская, с оборванной голубой ленточкой. Лукич только глянул — именины.

На хозяйском месте сочинитель сидит, наряженный. А

просто, как домашняя учительница. Не знает старый унтер, что «учительница» — это Вера Дениш, дочь ключаря Полтавского кафедрального собора. Ее, как и Бердяева, отправили на Вологодчину «поостыть». Да видно «застудили». Вездь не куда-нибудь отправил, а в Сольвычегодск. И на целых пять лет, которые и коротала она за переводами европейских писателей. Потом уж удалось перебраться южнее, в Великий Устюг. Там Веру Дениш больше знали как пианистку. Наконец, перевели в Вологду. А Николай Бердяев через сорок лет выделит ее в воспоминаниях о Вологде как своего близкого друга, умницу и настоящего философа «В. Д.».

И ЭТА ПАРОЧКА знакома Лукичу. Совсем еще молодые. Он высокий, тощий, на темные лысины, одет шеголем. У нее глаза, как у Божьей Матери, большие и скорбящие. Но не знает, не гадает бывалый унтер, что это сам Борис Савинков с женой. Откуда знать Лукичу, что жену зовут Верой, что такие глаза получила она «по наследству» от папы, писателя Глеба Успенского.

Кто не остынет в Вологде, а разогреется для новых «подвигов», так это Борис Савинков. Его приезд в Вологду совпал с кончиной Глеба Успенского. И поднадзорный Савинков обратился к властям с прошением об отлучке в Петербург. Пока Вологда и столица обменивались телеграммами, пока власти думали-решили отпустить — не отпустить, неожиданно выяснилось, что он уже в Петербурге предал земле прах знаменитого тестя и благополучно возвращается в Вологду...

А вот сидят два немца. Тоже здесь бываю. Один с густыми бровями, угрюмый на вид мужчина. Господин Брызгалов за ручку с ним здоровается и говорит, что это закордонный купец, масло в Вологде закупает. Да, господин Брызгалов не обманул Лукича. Но и не все рассказал о «немце». Не немец этот купец, а датчанин. И зовут его Оге

ресторации заведения Лукич, пожалуй, видит его чаще, чем здесь, у сочинителя. Но не знает Лукич, что длинноногого зовут Отто Ауссем, что он сын обрусевшего немпачиновника и будущий советский консул в Париже...

Однако тишина в номере подзатянулась. И сочинитель стал белеть лицом. Но тут перед Лукичом, как в сказке, возник маленький, вихрастый, в круглых очках. И не просто возник, а с рюмкой кроновской мадеры на подносике.

Давно приметил мудрый унтер этого господинчика. Через прихожую заведения он не пройдет, а юркнет, как мышонок. Только глазки блеснут стеклянные. Робкий господинчик. Наверно, улицу боится один перейти, дрожит от тележного скрипа...

Нет, не именины справлял Николай Бердяев. А покидал он Вологду, отбыв свое «по высочайшему повелению». По этому случаю и собрались в гостинице его друзья. По этому случаю начинающий писатель Леша Ремизов написал «некролог заживо». Такими «некрологами» он провожал из Вологды всех друзей. Да, тот самый робкий господинчик.

А Николай Бердяев в эти минуты думал о своем. Закончилась почти добровольная северная ссылка. Ведь родственники имели связи при дворе и сразу же стали хлопотать за него. Верховная власть разрешила ему поменять место ссылки на любой городок на юге России. Но он, конечно же, бросил вызов, считал переезд «морально неприемлемым» и остался в Вологде. И потом не сожалел о своем выборе. Ему понравился этот северный городок, через него Бердяев узнал великорусский Север.

Да...

Много интересных людей ходило по лестницам «Золотого якоря» в начале нашего века. Много голосов, известных русской истории сегодня, звучало под полукруглыми сводами ее этажей...

Виталий НОВОСЕЛОВ.